

Юрий Поклад

ЗАКОНЫ СЕВЕРА

Рассказы

БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ, ПРОЦИОН И СИРИУС

Приозёрных скважины три – первая, сороковая и сорок седьмая. Ни за каким чёртом они мне были не нужны.

– Там на полчаса работы, – чувствуя моё настроение, убеждал главный инженер экспедиции Костюнин, кляня каждое слово костистым носом, словно курица зерно. – Пересчитаешь трубы и оборудование, запишешь. Там сторож есть, он поможет. Утром улетишь, после обеда вернёшься.

Никуда я не хотел лететь, у меня неизлечимая болезнь – я устал. Всё опротивело: безмолвная, стылая тундра, одинаковые лица в Посёлке, буровые, и вообще весь этот Север. Восемнадцать лет я в геологии и всегда полагал, что делаю что-то полезное, поэтому старался исполнять работу на совесть. Но пришли другие времена, и я увидел, что работу можно делать плохо, но можно и совсем не делать, только создавать видимость, – ничего это не меняет.

– Ты снять-то меня не забудешь? – спросил я Костюнина, мы давно на «ты». – Пришлешь вертолёт?

– В этом не может быть сомнений.

Я не могу объяснить Костюнину, почему именно на Приозёрные скважины мне лететь не хочется. Есть не слишком приятные воспоминания. Впрочем, при чём тут они? Надо – так полечу. Мало ли, что там случилось когда-то. Кому это теперь интересно и какое имеет значение.

Вертолёт застрекотал, зашумел винтами, тяжело, словно большая стрекоза, завис над бревенчатой площадкой, потом стремительно пошёл вверх, набирая высоту.

А вдруг он действительно не вернётся за мной сегодня?

Ничего на Приозёрной площади бурения не переменялось с тех пор, как я побывал там в последний раз, да и что могло перемениться? Те же замершие линзы озёр на тинно-зелёном, пятнами, ландшафте; низкие, прильнувшие к земле, деревья.

Безрадостная северная природа. Болото. Прореха на теле цивилизации.

Я зашёл в балок, где жил сторож. Он разделён небольшой прихожей на две части. В одной половине – две кровати, застеленные одеялами блёкло-серых тонов, на стенах – вырезанные из журналов полуголые и совсем голые, красивые женщины; на крючке у окна – недовязанная сеть. В другой – кухня: стол, табуретки, распахнутый шкаф с грязными тарелками и кастрюлями, закопчённая плита, красный газовый баллон в углу и ещё одна кровать.

Вздыхнув, я взял со стола брусочек сухаря, рассеянно грызя его, вышел из балка и направился к Приозёрным скважинам. Сороковая скважина до недавнего времени находилась в подземном ремонте, но кончились деньги. Такое странное время настало: деньги кончаются неожиданно, их перестаёт хватать не только на ремонт скважин, но и на зарплату работникам экспедиции.

Что случилось со мной на этой скважине давным-давно, когда она была в бурении и здесь кипела работа? Любовь – любовь, непонятно что. Валя была странным человеком, таких женщин называют непутёвыми, но их лучше назвать несчастными. И погибла она глупо.

Я обошёл все три Приозёрные скважины, осмотрел оборудование, которое там было: подъёмник, компрессор, трубы, аварийный инструмент, растерзанные дизеля со шкивами приводов, искорёженные мостки, ржавые, облепленные засохшей грязью и травой, основания буровой вышки. Занёс всё это в блокнот и побрёл назад к вертолётной площадке, увязая болотниками в раскисшей тундре. По пути сорвал несколько кисловатых брусничин и съел.

На бревенчатой площадке стал ожидать возвращения вертолёта.

Приозёрная площадь бурения в низине, туман здесь падает неожиданно, – сначала заволакивается лёгкой дымкой горизонт, потом незаметно скрывается небо, вскоре в десяти метрах уже

ничего невозможно разглядеть. Я обеспокоенно глядел в небо, стараясь найти просветы в клочьях тумана.

Вертолёт появился примерно через час, я не смог его разглядеть, но слышал близкий, рокочущий звук. Он стал кружить, не видя места посадки. Кружил долго, я с надеждой вслушивался в этот звук, не веря, что вертолёт так и не сможет найти Приозёрные скважины. Но звук сначала удалился, а потом и совсем исчез. Я долго стоял, запрокинув голову, пока не понял, что вертолёт не вернётся, ждать его бессмысленно.

Туман, как назло, вскоре рассеялся, небо очистилось, и стало обычного в это время года, блёкло-серого, свинцово-тяжёлого цвета.

Никто не виноват в случившемся, но меня душила злоба: разве была столь острая необходимость в прилёте сюда?

И вдруг я подумал: в чём, собственно говоря, моё беспокойство? Ведь я всегда мечтал об одиночестве. В детстве прятался под кровать, уединяясь таким вот путём. Близких друзей у меня не было ни в школе, ни в институте, с ними требовалось быть откровенным, а я не хотел.

А ещё я не умел драться, не мог заставить себя ударить человека по лицу, даже когда это было необходимо. И это считали за трусость.

Я старался быть вежливым и предупредительным. Это рассматривалось, как слабость характера и неуверенность в себе.

Учась в институте, я жил в общежитии и не любил, когда другие пользовались моими вещами. Это выглядело в глазах моих соседей жадностью.

Я долго мучился, прежде чем научился жить так, чтобы никто мне не мешал, и я ни у кого не вызывал раздражения. Очень помогло то, что после окончания института я попал на Крайний Север. Там взаимоотношения людей намного проще.

В экспедиции глубокого бурения я работал технологом. Однажды меня послали на Сороковую Приозёрную, для ликвидации осложнения на этой скважине. Там я познакомился с Валей, она работала оператором в котельной. Её душевность показалась мне в диковинку. Она сумела сделать так, что я её пожалел: муж погиб в шахте, двое детей, порядочной работы найти невозможно, попала на Север, дети у матери, она скучает по ним. Слёзы. Как утешить бедную женщину?

Никому ещё я не рассказывал столько о себе. Чужое несчастье почему-то успокаивает. Когда информация об одинокой жизни иссякла, рассказал о звёздах. Я с детства увлекался астрономией, но не знал, где учат на астрономов, и после окончания школы поступил в институт нефти и газа, решив, что исследование недр и астрономия в чём-то схожи.

Я рассказал Вале о красном сверхгиганте Бетельгейзе, который в тысячу раз больше Солнца; о красавце-Сириусе из созвездия Большого Пса; о загадочной звезде Процион, и о том, что зимой три эти звезды образуют в ночном небе абсолютно правильной формы равносторонний треугольник.

Отчего-то мне казалось, что всё это будет ей интересно.

Совсем стемнело, но сторож всё не приходил. Захотелось есть. Я зажёл лампу «летучая мышь», отыскал в прихожей балка полубочку солёных щук, набрал из алюминиевого бидона в таз воды, положил щук вымачиваться. Сел за стол, стал тереть над тарелкой один крупный сухарь о другой, приготавливая таким способом панировочные сухари. Я натёр в тарелку довольно значительную горку, почистил щук, нарезал кусками, поджарил их на мутноватом подсолнечном масле, ел без хлеба, но всё равно было вкусно. Как вдруг я вспомнил, что завтра воскресенье, а значит, вертолёт не будет, едва ли главный инженер разорится ради такого случая на аварийно-спасательный рейс: слишком дорого, то есть моё заключение удлинится на один день.

Осложнение ствола скважины переросло в аварию, я провёл на Сороковой Приозёрной неделю и каждый вечер был у Вали.

Вновь попасть на эту буровую мне удалось попасть не скоро. Прилетев, едва дождался вечера. Вали в балке не оказалось. Я долго стоял возле её двери, не решаясь уйти. Из балка напротив выглянула повариха Наташка и крикнула:

– Ты её у Грищенко пощи.

Грищенко работал бурильщиком. Человек со свирепым лицом. Со шрамом на левой щеке. С ухмылкой на левую сторону узкого рта.

Я резко толкнул дверь его балка, Валя и Грищенко лежали на узкой кровати, прикрывшись простынёй. Им было тесно.

Белая Валина рука на груди Грищенко. Валя с удивлением поглядела на меня и спросила:

– Ты откуда взялся?

– Знаешь, ты кто? – то слово, которое хотелось произнести, я не произнёс, оно и так было ясно. Стало жаль, что я так много рассказал этой женщине о себе, а также о Бетельгейзе, Прочионе и Сириусе.

Грищенко отбросил простыню ногой. Встал. Он не стеснялся наготы, и это выглядело пренебрежением ко мне. Приземистый, сухой, с короткой шеей, весь завязанный в узлы крепких мышц, с невнятной наколкой, то ли чайки, то ли орла, на груди, с хищным оскалом желтоватых зубов.

– Ты что ж думаешь, если баба не дала, так хулиганить можно? Выйди отсюда!

Я не вышел. Выйти, значит признать поражение. Но если я остался, значит, надо драться. Но я не умел драться. Первый удар Грищенко был не сильным, я покачнулся, но удержался на ногах. Я не загоразивал лицо руками, это представлялось мне унижительным. Я не боялся Грищенко. Второй удар угодил в подбородок. Мир в моих глазах померк.

А в конце лета, в августе, Валя утонула в ручье. Её обнаружили утром, когда пришли проверять сети. Лето было жаркое, в ручье купались каждый день. Никому не могло прийти в голову, что там можно утонуть. Глубина была не больше, чем полтора метра.

Утром меня разбудил протяжный звук открывающейся двери, чьи-то шаги. Знакомый голос удивлённо произнёс:

– Да тут гости...

Я открыл глаза. Передо мной стоял Грищенко. Постаревший, поседевший с висков, но определённо он. Как он здесь оказался? Вскоре после гибели Вали Грищенко уволился и уехал куда-то по основному месту жительства, то ли в Воронежскую, то ли в Орловскую область. Я надеялся, что больше никогда в жизни не увижу этого человека.

– Рыбу, что ли, жарил? – спросил Грищенко так, словно мы только вчера расстались. – Не мог мне оставить, жрать охота.

Я теряюсь перед наглостью. Да что там перед наглостью, перед элементарной уверенностью.

– Я же не знал.

– Ты будто не видел, что здесь кто-то живёт.

Он вытащил из рюкзака щуку и двух крупных хариусов.

– Но ведь ты уволился после того случая с Валей.

– Как уволился, так и назад устроился, долго, что ли?

День прошёл в томительно-напряжённом молчании. Мы позавтракали, и больше в мою половину балка Грищенко не заходил.

Я немного подремал на кровати, потом опять отправился к Приозёрным скважинам – первой, сорокой и сорок седьмой.

Что остаётся на поверхности земли после того, как закончено бурение скважины и оборудование демонтировано? Фонтанная арматура, если скважина продуктивная. Взрыхлённая, исковерканная гусеницами тракторов, тундра. Раздавленные мешки с баритом и бентонитовой глиной. Кучи металлолома из кусков труб, швеллеров, двутавров и завязанной узлами проволоки. Глубокая яма – амбар с засохшим буровым раствором.

Я долго стоял, глядя на промытую дождями, в облупленной синей краске, фонтанную арматуру сороковой скважины, на измазанные в чёрной нефти штурвалы задвижек, на разбитую оранжевую каску, повешенную на шток одной из задвижек.

Долго бродил по тундре. Насобираю литровую банку влажной голубики. Возвращаться не хотелось, с Грищенко не о чём было говорить.

Заснул рано, как только стемнело. Открыл глаза, почувствовав свет: тускло мерцает свет «летучей мыши», Грищенко сидит, опершись локтями о стол. Курит. Тяжёлый, неприятный взгляд. Странно усмехнувшись, он вдруг сказал как будто не мне, а самому себе:

– А Вальку-то я убил... Так получилось.

Он помолчал, ожидая, не скажу ли я что-нибудь на это. Я ничего не смог сказать: спазмой сжало горло.

– Ночью мы с ней купаться пошли. Летом, что день, что ночь, всё время светло. Только народу нет. Ну, и поругались. Мы с ней всё время ругались. Я ей сказал кое-что, она обиделась и в горячке выдала: думаешь, ты у меня один такой? У меня любовников сколько хочешь. Вон, с технологом ещё сплю. Он, едва на буровую прилетает – сразу ко мне в балок.

Ошарашила. Стою, слова не могу сказать. Сразу же вспомнил, как ты в балок ворвался. Она ж, мне что обещала: в Луганске трёхкомнатная квартира, будем жить как люди. А сама... Вижу,

одумалась, поняла, что не то сказала. Испугалась. Вижу, хочет на попятную, по глазам бесстыжим вижу. Но нет, подруга, поздно уже. Вот так я срок заработал: не могу с собой совладать, если понесло. Стоит Валька возле воды, в купальнике тёмно-синем, руки к груди прижимает. Не ударил я её, толкнул. Она упала затылком о бревно. Ребята несколько брёвен в воду кинули, чтобы в ручей заходить легче было. Лежит головой в воде, сознание потеряла. Я стою и смотрю на неё. Пузыри пошли. Так и утонула. Я месяц выждал, пока шум затих, и уехал. Но сюда, на Приозёрные, всё время тянуло. Ручей этот снился. Замучил.

Он тяжело вздохнул, помолчал, потом спросил:

– Ты, правда, спал с ней?

Лгать не имело смысла. Я кивнул. Огромная тень Грищенко на стене опустила голову.

– Ну, вот зачем она тебе нужна была? Побаловаться? Не ровня она тебе, деревенская. Тебе разве такую бабу надо? Если б не ты, я бы на ней женился.

Я хотел сказать, что она сама предложила и ещё многое другое. Но вместо этого спросил:

– Как ты мог? Какое имел право?

Грищенко криво ухмыльнулся.

– Что?

– Убивать.

– Никого я не убивал. Утонула она.

– Но ты же сам сказал...

– Ничего я не говорил. Утонула она.

Встал, забрал «летучую мышь», вышел.

Я долго лежал в темноте без сна, сжимая кулаки. Хотелось плакать от бессилия.

Вот человек! Любил женщину. Она ему изменила. Он её убил.

А я никогда не смогу ни полюбить, ни убить.

Утром меня разбудил протяжный звук открывающейся двери, чьи-то шаги. Знакомый голос произнёс:

– Да тут гости...

Следя болотниками, вошёл Дмитрий Калачёв. Он раньше работал в Посёлке стропальщиком, потом перешёл в сторожа.

– Привет, – сказал он.

Мы хорошо знакомы, впрочем, в Посёлке все друг с другом хорошо знакомы.

– А я заночевал на речке, в старом балке. Неохота было тащиться сюда.

– Давно здесь сторожишь? – спросил я.

– С июня месяца.

– Вдвоём с Грищенко?

– Нет, один. Начальник экспедиции обещал напарника прислать, одному дежурить не положено, но всё подобрать никого не может. Тут на сто километров вокруг ни одного человека нет. А кто это, Грищенко?

– Бурильщиком в бригаде Журавлёва работал.

– Почему ты про него спросил?

– Он сороковую Приозёрную бурил.

– А я – сорок седьмую. Там, где кувалда в скважину упала. Помнишь?

Утром на площадку присел вертолёт. Преодолевая мощный поток воздуха, я боком пробрался к нему. Калачёв стоял неподалёку и что-то кричал, но я не мог разобрать, что именно. Я забрался в вертолёт, задвинул дверцу, стал смотреть в иллюминатор.

Вертолёт набирал высоту. Блекло-зелёная поверхность тундры выравнивалась. Возле ручья стоял человек, я понял, кто это.

Вертолёт поднимался выше и выше. Стало видно, что Приозёрные скважины образуют абсолютно правильной формы равносторонний треугольник.

Захотелось, чтобы Грищенко махнул мне рукой.

Неужели я действительно ни на что не годен?

Было очень важно, чтобы он махнул мне рукой.

Он не махнул.

БОРЗЫЙ

Сергей Степанович Носов исчез из Посёлка в конце января. Это не сразу было замечено. Нефтебаза, где он работал мастером, находилась в стороне от посёлка, он и жил там в вагончике, на отшибе, ближе к реке. Носова в Посёлке не любили, он имел

немного странное, но точное прозвище Борзый. Человек это был нелюдимый, в общении грубый, на деньги жадный. И внешность имел соответствующую: насупленные густые брови, острые, недобрые глаза, агрессивно-горбатый нос. Да и всё лицо его – длинное, ссохшееся, – имело выражение раздражённое, словно его только что кто-то обидел и собирается обидеть вновь. Носову было едва за сорок, но выглядел он гораздо старше.

Он не любил, когда к нему обращались с какой-либо просьбой, лицо напрягалось, холодело, он спрашивал:

– И что?

Вопрос звучал вызывающе, в нём ощущалась отчётливая неприязнь, ничего просить после этого не хотелось.

Носов был склонен к неожиданным словесным оборотам, особенно, когда ему хотелось показать свою опытность и деловитость. При обсуждении на экспедиционном совещании важной проблемы, он, дождавшись, когда все выскажутся, заявлял начальнику экспедиции Коновалову:

– А вот я, Михаил Фёдорович, своей дурной головой думаю...

Естественно, он не считал свою голову «дурной», как раз наоборот хотел подчеркнуть обратное. Он так зачастил со своим любимым выражением, что на одном из совещаний Коновалов, склонный к иронии, спросил:

– А что думает по этому поводу своей... головой, Сергей Степанович?

У руководителей цехов и подразделений эта пауза вызвала взрыв неудержимого хохота. Носов, не терпевший над собой насмешек, густо покраснел в страшной обиде.

В свободное время, а его было достаточно, Носов занимался не вполне достойным, с точки зрения жителей посёлка, делом. Он ловил собак, заманивая их по одной в сарай, предназначенный для хранения инвентаря нефтебазы, и там вешал. Вешал не из жестокости, а для того, чтобы не портить пулей шкуру перед выделкой. В посёлке много охотников, им было понятно, что Носов поступает рационально, но всё равно это вызывало неприятие, потому что собаки были, хоть и ничейные, но свои, всех их знали по именам и по возможности кормили.

Он выделывал также шкуры песцов, которые покупал у ненец. Замачивал шкуры в отвратительно-вонючей жидкости.

Не только сарай для инвентаря, но и небольшое служебное помещение Носова, где он держал документацию по нефтебазе, пропахли так, что находиться там долгое время было невозможно. И сам Носов попахивал, хотя следил за собой, часто стирал синий комбинезон, в котором ходил постоянно, я не помню его ни в какой другой одежде.

В посёлке выделанные шкуры у Носова никто не покупал, брезговали, хотя радикулитом страдали многие, нет лучше средства при этой болезни, чем пояс из собачьей шкуры мехом вовнутрь. Носов стал возить их на продажу на родину, в Белоруссию.

В работе был аккуратен и предусмотрителен, особенно важно это качество в навигацию, когда наливные суда приходят одно за другим и простой их недопустим, за него экспедиция платила большие деньги.

Носову постоянно требовалось что-нибудь изготовить, какой-нибудь переход на трубопровод, крепёж на фланцевое соединение или специальный ключ, – и он обращался ко мне, начальнику прокатно-ремонтного цеха. Он не любил кого-то о чём-то просить, лицо его при этом приобретало раздражённое выражение. Протягивая лист с эскизом детали, всегда добавлял для убедительности:

– Нужно срочно.

Срочно нужно было всем, я к таким просьбам привык и не обращал на них внимания: есть очерёдность выполнения заказов, сделаем. Носов это понимал, злился, но никогда не упрасивал.

Эскизы его были безукоризненны, он рисовал их от руки, без линейки, проводя удивительно ровные линии твёрдой, уверенной рукой, точно сочетая пропорции детали по масштабу, никогда не пропускал необходимых размеров, но и не дублировал их.

Солидные, имевшие высшее техническое образование, люди, порой приносили мне чертежи, выполненные кое-как, на первом попавшемся под руку клочке бумаги, обижались, когда я указывал на неаккуратность и вынужден был уточнять размеры детали.

Однажды Носов принёс сразу несколько эскизов, просмотрев их, я понял, что это детализировка сборочного чертежа: два винта с крупной резьбой, рамка, основание, – едва ли что-то подобное могло потребоваться ему на нефтебазе. Я спросил:

– Это лично вам нужно?

Носов смутился, смущённым его представить было трудно, гораздо более его лицу соответствовало высокомерие. Есть такое просторечное выражение «борзость» – наглость, неприимиримость, бесцеремонность. Жители посёлка, безжалостные в своей наблюдательности, припечатали Носова прозвищем безошибочно.

– Да, это нужно лично мне, – признался он.

Носов не знал негласного правила: если человеку нужно что-то лично, «домой», это делается незамедлительно, вне всякой очереди.

Его заказ был выполнен, после этого началось самое неприятное: он решил меня отблагодарить. Принёс рыжую собачью шкуру. Дождавшись, когда я останусь один в кабинете, вытащил её из рюкзака. Я помнил доброго рыжего пса с печальными глазами, который целыми днями слонялся по посёлку, а в обед пасся возле столовой, ожидая, когда ему вынесут что-нибудь съестное, завернув в салфетки; выносили много, всё он не съедал, закапывал в снег под кустами.

Я отказался брать собачью шкуру, тогда Носов притащил шкурку песца – мягкую, белую, хорошо выделанную. Но я и её не взял, и вот почему.

Устроившись на работу в экспедицию, я полгода проработал дизелистом на буровой, ожидая, когда освободится место начальника прокатно-ремонтного цеха, – мой предшественник тянул с увольнением. На буровой произошла любопытная история. Иногда песцы, в поисках корма, мигрируют: сотни маленьких, белых зверюшек, оголодав, перемещаются огромной стаей по тундре. Тут самое раздолье охотникам, самая добыча. Но я никогда не был охотником.

Однажды вечером, выйдя из балка покурить, я бросил в снег шкурки от сала, как вдруг к ним метнулась небольшая тень, в тусклом свете окна трудно было разглядеть, кто это. Я догадался: песец. На следующий день приберёт кусочек куриной грудки и смог разглядеть небольшую белую собачку с пышным хвостом. Я стал приносить песцу куриные косточки, и мы подружились, целую неделю я подкармливал его, он перестал меня

бояться. Я надеялся, что песец приучится брать косточки прямо из рук, но до этого не дошло: стая схлынула дальше на север.

Выслушав мой отказ, неугомонный Носов принёс деньги. Потеряв терпение, я попросил оставить меня в покое и больше не надоедать с подарками.

Я не стал спрашивать о назначении заказанного им изделия, сомневался, что он ответит. Мне было бы любопытно поговорить с этим человеком, подробнее узнать о нём, но едва ли из этого могло что-то получиться, даже в ответ на оказанную мной услугу. На Севере у каждого свой секрет, своя не сложившаяся на Большой Земле жизнь, о которой никто не любит говорить.

Я не знал, к какому типу людей отнести Носова, их на Севере несколько.

Есть люди, которые, через силу отпахав в Заполярье лет тридцать, и скопив деньги, навсегда уезжают на юг, селятся в купленном заранее доме где-нибудь под Анапой, предвкушая радостную, беззаботную жизнь. Подавляющее большинство этих людей умирает через год, так и не успев насладиться беспечным существованием, потому что резкая смена климата в пожилом возрасте недопустима.

Есть ярко выраженные жмоты, которые копят деньги, неизвестно для чего, ходят всю жизнь в грязных телогрейках, питаются дешёвыми консервами, работают на износ, и умирают тут же, на Севере, так и не поняв, зачем жили.

Есть обычные алкаши, которые зверски пашут, забывая о выходных, чтобы летом всё спустить за месяц где-нибудь в Алуште или в Сочи, и прислать коллегам на Север слёзную телеграмму: «Двести на дорогу срочно».

Есть и нормальные люди, их немало, но Сергей Степанович Носов по прозвищу Борзый к этой категории не принадлежал.

И вдруг этот человек пропал. Все личные вещи в вагончике, где он жил, были на месте. Даже новая песцовая шапка, так и лежала в шкафу. Деньги он дома не хранил, отдавал доверенному лицу, кассирше Вале, та прятала их в сейф.

Участковый милиционер, всю эту ситуацию детально описал в рапорте и доложил в окружное УВД. Приезжал следователь, допрашивал жителей посёлка, давал телеграмму по месту прописки Носова, исследовал близлежащую территорию на пред-

мет нахождения тела, но так ничего и не обнаружил. Дело это стало постепенно забываться.

Следующей весной Носова случайно нашёл топограф Юра Уваров, когда вместе с главным геологом Ковалевским отбивал точку бурения новой скважины в тридцати километрах от посёлка. То, что это именно Носов, удалось определить не сразу, только по синему комбинезону, лицо было сильно объедено лисами и песцами. Место, где был найден труп, находилось в удалённости от зимника, причину, по которой Носов мог оказаться там, было трудно объяснить.

Опять появился в посёлке следователь, опять опрашивал жителей, составлял протоколы, но делалось всё это без должного энтузиазма: столько «подснежников» было найдено за это время в тундре, разве мыслимо по каждому из них провести тщательное расследование? Сыграло свою роль и то, что вспоминали о Носове с неохотой, не слишком хорошую память о себе он оставил. А ведь могли бы при желании кое-что вспомнить, помочь следствию, например, то, что возле балка Носова были следы борьбы. Или о том, что предыдущей перед тем, как ему пропасть, зимой, Носов набрал у ненцев много песцовых шкурок в долг. Ненцы – доверчивый народ, легко верят на слово, есть у них такая странная по нынешним временам убеждённость, что их бог – Нум, обязательно накажет за обман. Но Сергею Степановичу Носову про Нума было неизвестно, он выделал шкурки, отвёз их к себе в Белоруссию, там продал, вернулся без денег, рассчитывая отдать долг с новых доходов. Однако они оказались невелики: всех собак в посёлке он уже истребил, а ненцы в долг шкурок больше не давали. Они приезжали, и просили денег за те, что отданы прежде. Носов встречал их каждый раз всё более неприятливо и однажды, в раздражении, прокричал:

– Идите отсюда, ничего я вам не должен!

Об этом конфликте жители посёлка знали и могли бы при желании изложить свою, вполне аргументированную версию исчезновения Борзого, но никто ничего следователю не рассказал, и он отбыл ни с чем. Дело закрыли, и о Носове забыли окончательно.

Лет через десять, когда я давно уже не жил в посёлке, потому что посёлка не было, уехал с Севера и не работал в геологоразведке, потому что геологоразведку ликвидировали, я оказался по служебным делам в Архангельске, и случайно встретил там геолога Володю, с которым жил в прежние времена в одной комнате в посёлковом общежитии. Встрече оба были рады, мы немедленно завернули в ближайшее кафе: разговаривать на улице, при минус тридцати, не очень удобно.

Володя по национальности ненец, но не все ненцы ходят в малицах и пасут в тундре оленей. Володя окончил университет, работал геологом, писал стихи. Он остроумен, даже саркастичен, и стихи его такие же. Мне нравились его стихи, тем более песни, которые он на эти стихи сочинял.

Мы заказали мясо с пюре и салаты. Официанта принесла мне водки, Володе – шампанского. Он заказал шампанское не потому, что эстет, просто ненцам нельзя пить водку, какого-то фермента не хватает в их организме для её нейтрализации. Володя об этой проблеме знал и никогда не экспериментировал.

У Володи большая лысина и узкие, глубоко посаженные глаза чёрного цвета, манерами он напоминает обычного столичного интеллигента, трудно представить, что этот человек родился в Канинской тундре в чуме, и в детстве, – до тех пор, пока не попал в интернат, – пас с отцом оленей.

Мы вспомнили всех знакомых, с которыми работали когда-то в экспедиции, выяснили, кто на ком женился, кто с кем развёлся, и кого уже нет на свете, но у меня не выходило из головы давнее происшествие с Носовым, и я напомнил Володе о нём. Несмотря на то, что я провёл на Севере много лет и знал не менее трагические истории, тот случай казался мне странным своей хладнокровной жестокостью: человека вывезли в зимнюю студёную тундру и там бросили умирать. Да, он был виноват, но, на мой взгляд, не настолько, чтобы лишать его жизни.

Все ненцы, которые встречались мне на Севере, а встречал я их немало, казались мне добрыми, приветливыми и беззлобными, чем-то похожими на детей, мне трудно было предположить, что эти люди могли поступить столь жестоко. Я спросил у Володи, верит ли он в эту версию или это домыслы, склонных

к фантазиям жителей посёлка. Мне казалось, что Володя не захочет говорить на столь щекотливую тему, но он сказал, что помнит об этом случае.

– И что ты о нём думаешь?

Володя усмехнулся.

– Можно я начну издалека?

– Конечно, только так, чтобы я понял.

– Мой отец когда-то давно подарил своему брату, моему дяде, оленя. Отец вскоре заболел и умер, я ничего не знал об этом подарке. И вот однажды, когда я учился в университете, и приехал домой на зимние каникулы, мать сказала, что дядя просит, чтобы я его навестил. Я запряг оленей в нарты, надел малицу и поехал. Путь был неблизкий, на Индигу. Дядя тепло меня встретил, я переночевал у него, а когда собрался уезжать, он вдруг спросил:

– Какой олень из моего стада тебе нравится больше всего?

Я удивился вопросу, и показал. Дядя поймал этого оленя арканом и привязал к моим нартам. Он объяснил, что обязан непременно «отдарить» оленя в ответ на отцовский подарок ему. Ненцы очень щепетильны в таких вопросах. Их нельзя обманывать, они всегда верят на слово и не могут представить, что слово можно не сдержать. Для ненца самое страшное оскорбление, когда человек не держит слово. Если бы Носов честно признался, что денег у него по каким-то обстоятельствам нет и он не может их отдать, его, вполне возможно, простили бы, – деньги для ненца не играют решающей роли. Но он обманул. Обманывать нельзя. Я никогда не общался с Носовым, с Борзым, как его называли, я не знаю тех ненцев, которым он задолжал, но я знаю то, что в тундре издавна существуют законы, которые нельзя нарушать. Эти законы были жёсткими, когда мы жили тесно, одним народом. Сейчас ненцы разбрелись по миру, стали другими, но, мне кажется, что эти законы и теперь не мешало бы соблюдать. И не только ненцам.

– Так ты считаешь, что с Носовым поступили справедливо?

– Пожалуйста, не задавай вопросы, на которые ответить невозможно, – попросил Володя.

ВАСЕЧКА

У бурильщика Шугарова короткая, полуседая борода, лицо лобастое, с выпирающими скулами; он похож на небольшого льва. Когда стало ясно, о чём будет рассказывать Сергей Терепашко, Шугаров перебил его:

– Слышал я эту историю, и в Нарьян-Маре слышал, и в Нижневартовске, и в Ноябрьске. Навыдумывали, чтобы страшней выглядело. Часы на вибросите нашли! Да их бы сто раз долотом перемололо.

Вылет вахтового рейса назначен на двадцать два часа. Буловики, в ожидании, расположились в скверике неподалёку от аэропорта, на травянистом газоне. Достали продукты, взятые в дорогу: пахнущее чесноком сало, котлеты, огурцы, помидоры, жареную рыбу в хрустящей пергаментной бумаге, яйца, зелёный лук, пирожки. Водкой запаслись в достаточном количестве. Есть особенная теплота в таких посиделках, в историях, которые при этом рассказываются, и не водка тут главное, хотя без водки не обходится.

Мало кто замечает в сутолоке железнодорожных вокзалов и аэропортов этих мужчин с усталыми лицами, с тяжёлыми сумками в руках. Я узнаю их сразу же, – людей с разделённой пополам жизнью. Месяц тут, месяц там, – очень удобно и выгодно, но это только на первый взгляд, неведомо постороннему человеку, не хлебнувшему вахтовых тягот, что можно провалиться в бездну между этими двумя жизнями, остаться без семьи, и тогда работа, выгодная и денежная, станет бессмысленной.

Серёже Терепашко (его прозвали Черепашкой), лет около тридцати, но кажется, что вдвое меньше, он всё время подсмеивается, хихикает, трясёт несерьёзными кудряшками, кривит тонкие губы, но рассказывает свои бесконечные истории интересно, в лицах, с большим количеством откуда-то известных ему подробностей. Слушают его внимательно, так слушают пение ребёнка в семейном кругу, не обращая внимания, когда он не попадает в ноты.

История, которую он рассказал на этот раз, действительно была давно известна.

Работал когда-то на Севере, буровым мастером, Игорь Баяков, и был он раздолбаем. В те времена на Севере более всего ценилось умение трудиться «на износ». К пьянству, если оно

не мешало работе, относились терпеливо, с пониманием. Игорь нашёл то, что искал. Чередование трудовых подвигов с загулами делали производственный процесс замысловатым, но план по проходке его бригадой выполнялся успешно. Когда до Севера добралась цивилизация, а с ней и порядок, жизнь Баюкова осложнилась, его неоднократно собирались выгнать, но каждый раз оставляли с последним предупреждением.

Сидела в бухгалтерии экспедиции глубокого бурения тихая девочка, чья-то дочь или сестра, писала отчёты, или что-то там ещё она писала, неважно. Вполне возможно, ждала прибытия прекрасного принца, не подозревая, что такие существа в популярной тундре не водятся. Но, скорее всего, никого она не ждала, просто жила себе, да и всё. Как вдруг явился Баюков – вихрь, самум, смерч, тайфун, «самозванец с гитарой», с дурманящей неокрепшую девичью голову, песней: «Вы пришлите в красивом конверте ярких слов шелестящий шёлк, ну, а мне вы не верьте, не верьте, я такой: я взял и ушёл». Задумчиво-романтический любимец женского персонала, Чайльд-Гарольд: чуть, что не так, не по нему, – взял и ушёл. Раздолбаи всегда порываются куда-нибудь уйти, надеясь услышать вслед: не уходи, не надо, побудь ещё, с тобой хорошо. Они легко поддаются на уговоры и остаются, но толку не бывает – быстро надоедают и блёкнут.

Баюков уверял, что сочинил эту песню сам. Наверняка, врал. Он постоянно врал, сам того не замечая, в Посёлке к этому привыкли и не принимали его всерьёз. Но та тихая девочка, Валя, ему поверила.

«Нахожу на дорогах подковы, заполняю собой города, человек из меня толковый не получится никогда»*. Конечно, не получится из Игоря, никто в этом не сомневался, жить всерьёз для раздолбаев чересчур хлопотно, они и не пытаются, но обладают при этом таким сильным обаянием, что даже опытным женщинам не всегда удаётся выстоять. Что уж говорить о девочке Вале?

Валя и Баюков стали жить вместе. На Севере это быстро делается: такая тоска зимой, а зима восемь месяцев в году. Вокруг Посёлка до самого горизонта сплошной снег и никакой перспективы в жизни: в десять рассветает, в час темнеет, хоть убейся.

---

* Автор песни – Юрий Кукин.

Сказать, что Игорь немедленно стал примерным семьянином, невозможно, так не бывает, но некоторые надежды появились, когда родился Васечка.

Большая разница в том, отвечаешь ты только за себя или ещё за кого-нибудь; когда поймёшь, что кому-то не обойтись без твоей заботы, всё становится по местам. Баюков взял на руки маленькое гладкое тельце сына, увидел раскрасневшееся, зашедшееся в плаче личико, и понял, что шутки кончились, придётся жить для этого человечка.

Через три года Валя умерла. Для жителей заполярных посёлков таится большая опасность в неожиданных болезнях: больница в Городе, до Города далеко. У Вали случился выкидыш, открылось кровотечение, её повезли на вездеходе в больницу и не довезли. Вот так взяла она и ушла, оставив Баюкова отцом-одиночкой. Судьба иногда проделывает с нами такие фокусы, воспитывает, что ли?

Баюков впал в отчаянье: пацан крошечный, недавно «папа-мама» выговаривать научился, что с ним делать? Взял отпуск, приспособился кормить сына кашей, научился стирать маечки, трусики и штанишки, но как быть с работой, не на буровую же ребёнка забирать. Думал перейти в контору, в технологический отдел, но бумажная работа не для него, он в институте только до третьего курса дотерпел.

Реальный выход – жениться, но эту хитрость посёлковые барышни раскусили мгновенно: «Игорь, ты няньку сыну ищешь? Но мы, ты же знаешь, по другой части. Есть для тебя невеста – шлагбаум на въезде в посёлок открывает, предложи, может, согласится».

На шлагбауме, в маленькой будке, сидела Алевтина Васильевна Голубева, в прошлом кандидат исторических наук, на Севере она давно, замужем была бессчётное количество раз, лет ей семьдесят с чем-то. Баюков отшучивался, но, глядя на ревущего сына, был готов на всё.

Попытался сойтись с диспетчером гаража Катей-Рэкс. Сначала складывалось неплохо, Баюков и Катя поняли друг друга: Катя хотела замуж, Баюков – чтобы у Васечки была, если не мать, то что-то на неё похожее. Васечку Катя-Рэкс искренне старалась любить, и он, за неимением лучшего, потянулся к ней. Эта странная семья вполне могла бы состояться, если б не восьмилетний

Коля, сын Кати. Появление сводного брата Коля воспринял с энтузиазмом и взял над ним шефство. Коля вырос в Посёлке, где взаимоотношения мужчин и женщин предельно обнажены, где никто, кроме детей, не обращает на эту обнажённость особого внимания. Дети Крайнего Севера – отдельная, грустная тема.

Баюков расслабился, потерял бдительность, и однажды услышал от четырёхлетнего сына удивительные рассуждения по поводу женщин Посёлка и женщин вообще. Васечка не мог оценить точность своих характеристик, поскольку повторял чужие слова. Объяснение с Катей вылилось в грандиозный скандал: сына она любила с яростью львицы, приставка «Рэкс» не бывает случайной. Примирения не получилось, Васечка вновь остался без мамы, новых попыток организации семейной жизни Баюков предпринимать не рискнул.

Он нанимал Васечке няnek и сиделок, просил одиноких пожилых женщин приютить сына на две недели, пока он вернётся с вахты. Со случайными людьми Васечка ладил плохо, капризничал, по этой причине Баюков отказался от мысли определить сына в интернат. Выхода не было, пришлось брать сына с собой на буровую. Васечка рос там до семи лет, пока не погиб.

Мальчик был любознательным, шнырял по буровой, словно тундровая мышь – лемминг. Рабочие его любили, называли «сыном полка». Отец подарил Васечке белую «офицерскую»* каску, он не снимал её даже в туалете. А ещё – настоящие, слишком большие для тонкой руки, «командирские» часы, Васечка с важностью на них посматривал, хотя время определять не умел.

Буровая представлялась ему детской площадкой: огромными животными разлеглись буровые насосы, раздражённо ревели дизеля, с тонким свистом вращались центрифуги, лихорадочно тряслись вибросита, струился по желобам раствор из скважины. Все эти механизмы казались ему забавными, не представлявшими опасности. Он мечтал стать буровым мастером.

Васечка погиб жарким летним днём, когда тундра удушливо пахнет болотом, особенно после того, как по ней проползёт трактор, утонув по самую кабину, добравшись широкими гусеницами до льда вечной мерзлоты, и над взрыхлённой грязью густо роится мошка.

---

* Белые каски носят инженерно-технические работники.

Забурили новую скважину, Баюков захлопотался, не до Васечки было: глина пёрла из скважины, наматывая на долото сальники, забивая доверху желоба, их едва успевали вычищать, – вся вахта, включая слесаря и старшего дизелиста, «на лопате». Васечке велено было не путаться под ногами, идти в балок и смотреть телевизор. В балке было скучно, телевизор показывал плохо, с рябью, Васечка не любил его смотреть, а рисовать в альбоме цветными карандашами ему давно надоело.

Он пошёл под буровую, там намного интересней: вращалась труба, мерно гудел погружной насос, откачивая промывочный раствор из обширной ямы, размытой при бурении, скользкие края её, ограниченные невысоким бруствером, уходили круто вниз, в скважину. Васечка влез на бруствер – решил дождаться, когда начнут поднимать трубы, ему нравилось наблюдать, как медленно выходят они из скважины, до тех пор, пока не появятся последние, толстые, а за ними – облепленное грязью долото.

Дождавшись окончания подъёма, Васечка повернулся, чтобы уйти, но поскользнулся, каска упала с головы, улетела вниз, на поверхность обширного чёрного озера, где стала плавать, словно кораблик. Васечка нашёл длинную проволоку, загнул её конец, попытался зацепить каску, и это ему удалось, но, не удержавшись на крутом склоне, он соскользнул вниз. Стал барахтаться, отчаянно крича, цепляясь за края кратера, выбился из сил и утонул.

Баюков обнаружил отсутствие сына, когда настало обеденное время. Он мгновенно обежал буровую, осмотрел все балки в жилом посёлке, – Васечки не было нигде.

Может быть, в тундру ушёл, за ягодами? Но он всегда предупреждал об этом. Может быть, решил спрятаться, пошутить? Баюков ещё раз облазил балки, посмотрел в шкафах, под кроватями. С самого начала, как только обнаружилось отсутствие сына, у него была уверенность в самом худшем. Васечку искали до вечера, ночью ходили по тундре, кричали. Работы на буровой прекратились, двигатели заглушили, лишь одиноко стрекотал дизель электростанции.

Утром под буровой нашли каску, и осторожные предположения облеклись в реальную форму, но Баюков им не верил, требовал продолжать поиски. Откачали, сколь возможно, рас-

твор из скважины, светили лампой на длинном шнуре, спускали тонкие трубы с трёхлапой «кошкой» на конце. Было много предложений, но Баюков, никого не слушая, ушёл в балок, задёнул шторы, выключил свет и лёг на кровать лицом к стене.

Он вспомнил, как ходили они с Васечкой в Москве в зоопарк. Васечка бегал от клетки к клетке, боясь, что не успеет всё посмотреть, названий некоторых животных не знал, спрашивал у отца, получив ответ, вновь убегал. Медведя, жирафа, слона, гиппопотама, тюленей, волков, львов, лисиц, обезьян, – всех он осмотрел. Когда спускались на эскалаторе в метро, спросил:

– А их выпускают погулять из клеток?

– Нет, конечно, – ответил Баюков, – ещё разбегутся, да покусают кого-нибудь.

Васечка погрустнел и всю дорогу до Ярославского вокзала молчал.

С точки зрения руководителей экспедиции простой буровой был недопустим. Прилетел главный инженер Костя Малыхин, они с Игорем когда-то работали сменными мастерами в одной буровой бригаде.

Малыхин зашёл в балок, Баюков лежал, не оборачиваясь. Малыхин его растолкал, поднял, усадил за стол: надо было принимать решение.

– Что будем делать, Игорь?

– А что бы ты на моем месте делал?

– Не знаю. Терпел бы.

– Вот и я терплю.

Костя понимал, что не имеет права быть жёстким, он вообще не знал, что говорить Баюкову, он вспоминал Васечку, с которым недавно играл в мяч на площадке возле конторы, пытался представить Васечку в чёрной мгле скважины, и у него шевелились волосы на макушке.

Бригада приняла решение: скважину зацементировать, вышку перетащить и забурить новую. Малыхина такое решение не устраивало. По каким причинам закрывать скважину? По техническим? По геологическим? Куда списывать затраты? Что объяснять начальству? Начальство и слушать не захочет. У начальства под угрозой месячный план по проходке, происшествие с Васечкой в этот план не вписывалось.

Малыхин оказался между молотом и наковальней: пытаться объяснить ситуацию Баюкову, тем более принудить его, было невозможно.

– Игорь, – сказал Малыхин, стараясь подчеркнуть в голосе сочувствие, – что случилось, то случилось, но пробуренные тысяча двести метров аннулировать не получится, на демонтаж и перетаскивание вышки никто денег не даст.

– Неужели нельзя объяснить? Не люди, что ли?

– Что объяснить? Что ребёнок упал в скважину? Но почему ребёнок оказался на буровой? Кто его туда допустил? Кто виновен в этом?

– Что ты предлагаешь?

– Что тут предлагать? Ты сам знаешь. Надо бурить дальше.

– Как это «бурить»? Ты что говоришь?

– А может, его там нет? Может, он в тундре потерялся, и в озере утонул? Ты уверен, что он там?

– Уверен.

– Игорь, надо бурить.

Баюков вскочил, глаза его были безумны, Малыхин испугался этих глаз.

– Боишься, что с должности снимут?

Малыхин пожалел, что прилетел к Баюкову, что окунулся в чужое горе.

– Да, боюсь, представь себе. Я к должности главного инженера не один год шёл. Ты расслаблялся, водку пил, а я – нет. Теперь ты залез в дерьмо и меня за собой тянешь, чтобы я за твоё раздолбайство расплатился.

Баюков опустил голову, закрыв ладонями лицо, теперь он знал, как сходят с ума: мозги в голове начинают вращаться с нарастающей скоростью, словно барабан стиральной машины, хочется колотить головой в стену, пока мозги не вылетят наружу.

– Что я должен сделать? – спросил Баюков.

– Будто сам не знаешь.

Баюков не знал.

– Встань за тормоз, и пробури метров десять. Можно меньше.

– Пробурить? – переспросил Баюков.

Малыхин не отвечал.

– Пробурить? А потом?

– Потом, что угодно.

То, что он пробурит, Баюков ещё мог себе представить, но как после этого сможет жить, – представить не мог.

– Сделаешь? – спросил Малыхин, глядя в окно, на замершую в ожидании решения буровую вышку.

– Сделаю, – сказал Баюков, в голове что-то застопорилось, безумие сменилось равнодушием.

Он выпил стакан спирта, надел комбинезон, пошёл на буровую, встал за тормоз, пробурил сколько-то метров, вернулся в балок и опять лёг на кровать. Вся процедура, включая запуск буровой установки, заняла не больше часа.

На вибросите помбуры* нашли часы, которые вымыло потоком раствора из скважины, но никому не пришло в голову отдать их Баюкову.

Что потом случилось с Игорем Баюковым, куда он делся, и где сейчас, никто не знал.

Пока Черепашка рассказывал, помбур Паша Ващук – мордатый, с крутым украинским носом, с огромными, как лопаты, ладонями, – бережно разливал по кружкам водку; закуски разбирали неслышно.

Когда Сергей закончил, некоторое время все, для приличия, помолчали, хотя каждому было что сказать. Первым нарушил молчание Иван Макарович:

– Если б скважину бросили, бригада бы без «сороковника»** осталась.

Я работал дизелистом, Иван Макарович – у меня помощником дизелиста, я точно знал, что это хороший человек, и не понимал, как мог он произнести такие ужасные слова. История, рассказанная Черепашкой, потрясала, даже если допустить, что в ней меньше половины правды.

---

* Помбур – помощник бурильщика

** «Сороковник» – в советское время – премия в размере сорока процентов от основного заработка, которая выдавалась в случае выполнения буровой бригадой плана по проходке. В условиях Крайнего Севера «сороковник» составлял довольно значительную сумму, благодаря дополнительным коэффициентам.

– Хочешь, я тебе голову оторву? – спросил слесарь Валерий Павлович, вспыхнув тёмно-карими глазами и нервно подавшись вперёд массивной фигурой.

Иван Макарович молча поднялся с травы, вышел на асфальтированную аллею. Он не услышал, что Паша Ващук, поддерживал его:

– А что он не так сказал, Валерий Павлович? Мёртвым не можешь, надо о живых думать.

Иван Макарович медленно брёл по аллее по направлению к аэропорту, когда я догнал его. Некоторое время мы молча шли.

– Думаешь, мне пацана того не жалко? – спросил Иван Макарович, морщинистое лицо его исказилось болью. – Жалко. Но у каждого свой сын. Мой – который год желудком мается, исхудал весь – кости да кожа, надо его в хорошую больницу, чтоб обследовали, никто не знает, что за болезнь. Мне в голову всякая дурь лезет, жена плачет днём и ночью, деньги нужны, только на «сороковники» и надежда. Может, кому-то из бригады Баюкова тоже деньги позарез требовались, а они решили памятник из скважины сделать.

Опустив седую голову, Иван Макарович побрёл дальше – маленький, согнутый горем, старичок. Чем его успокоишь?

Вдруг он остановился, оглянулся и сказал:

– Моего-то ведь тоже Васей зовут. Васечкой. Вот ведь какое дело, – и сокрушённо покачал головой.

Когда я вернулся в компанию, Черепашка уже рассказывал анекдот, все смеялись. Весёлые темы более приятны людям, какой смысл портить настроение, переживая за чужие несчастья? Всех не пережалеешь. И я забыл бы ту трагическую и не слишком правдоподобную историю, если б не странный случай.

Младшая дочь положила мне в сумку пакетик с конфетами «Коровка». Когда раскладывали закуску, я высыпал конфеты на траву между квашеной капустой в литровой банке и жареной рыбой. Но никому не пришло в голову закусывать водку конфетами, «Коровка» осталась невостребованной. Вдруг я заметил, как протянулась откуда-то к конфетам тоненькая детская ручка и нерешительно ухватила несколько штук.

Наверное, мне показалось.

г. Мытищи, Московская обл.